

агенты политического поля, которые поймут, что вот такая-то социологическая загогулина на самом деле может стать рычагом, применимым к социальной системе в целях изменения ее конфигурации.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Когда рождалась новая российская социология (образца 1990-х годов в отличие от «старой» образца начала 1960-х и университетской, преимущественно, «квазисоциологии»); то для большинства ее субъектов поле неизмеримо превалировало над кабинетом. Так о каком повороте речь? Это, впрочем, не гарантирует ее большей публичности, как кабинетность, например, культурсоциолога, больше работающего с книгами и Интернетом, не закрывает ему путь к большей публичности. В рамках самой дисциплины «публичный поворот» как-то не укладывается в ряд других поворотов в социогуманитарных науках (культурный, лингвистический, прагматический). Это как если бы у нас была тайная кабинетная социология, и вдруг она поняла, что «все ее разные искусства при публике не значат ничего» (парафраз одного из стихов о «милицианере» Пригова), и надо что-то срочно делать. Если же публичный поворот «случился» с социологией, то это уже другая песня, и в первую очередь не про социологию.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Снова вспоминается покойный Пригов: в мире идет борьба простого со сложным. Последнее коренится в культуре метрополиса, где уже нет старых межкультурных границ (но могут быть новые, более сложные). Поддержание сложности требует, согласно Гомеру-Диксону, определенного запаса энергии. Применительно не к историческим социально-экономическим системам, а к социокультурной системе под названием Россия, а также к будущности социологии, это означает сохранение и приумножение энергии критического реализма для поддержания устойчивой сложности этой системы. Как, например, федерализм необходим для поддержания целостности системы (с целью избегания в противном случае неизбежного распада страны) на основе сохранения ее политической сложности, так социология должна стать частью сложного публичного интеллектуального дискурса. Вот бы еще денег побольше на образование (и открытости оно!) для того, чтобы аудитория через десятилетия была соответствующая!

Елена Здравомыслова

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Российская социология воспринимается публикой как институция производства массовых опросов общественного мнения в отношении политики и электоральных процессов. Особенно часто социолог идентифицируется как профессионал, который может прогнозировать итоги выборов, политические предпочтения населения... Для самих социологов, слава богу, это не так. Хотя прикладники готовы согласиться с таким пониманием своей социальной миссии.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии? Какую бы классификацию предложили вы? Чем различаются между собой эти виды социологического труда?

Я бы чуть иначе иначе парафразировала Буравого. По-моему в его случае речь идет не о прикладной социологии, а о маркетинговой. Это важно, потому что прикладные исследования могут сочетаться с любыми другими вариантами. Кроме того, мне кажется не вполне убедительным его различение критической и публичной социологии. Как правило, в реальной полевой работе критики становятся публичными социологами. Мне кажется, что в российском контексте при нынешнем уровне институционализации социологии в России такие разделения проводить не приходится. Но вообще-то уместно говорить о постнациональной фазе развития социального и гуманитарного знания сегодня (Аппадурай), а мы все про национальную самобытность...

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

Я не думаю, что это направление. Я думаю это роль, которую берет на себя социология. Самое ее ядро – это ориентация на гражданское общество, на социальные проблемы людей. В этой связи я считаю, что инициативные гражданские организации – это «естественные союзники» социологии. А именно они в российском контексте имеют о ней весьма смутное представление. Тем не менее они сами порождают доморощенную социологию и ее надо профессионализировать.

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?

Задача нашей публичной социологии на сегодня – способствовать формированию профессиональной социологии (т.е. работать над стандартами социологического образования, например, или ставить под сомнение позицию тех, кто считает, что социология должна обслуживать власть и в этом заключается ее публичная роль интегрировать российскую социологию в мировой дискурс).

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Вправе – не вправе, а «влияет» как дискурс. Это вопрос о связи знания и социальной реальности. Что тут сказать? Чрезвычайно важен вопрос о том, кто представляет социологию на общественной сцене в России и в мире. Это представительство не только персонализировано (по именам), но и институционализировано. Если это Левада-Центр, то это одно влияние, а если организация, которая назвала себя ССР – то другое.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Эта тенденция началась еще в 1970-е годы после студенческой революции 1968. Связано с неомарксизмом и новыми движениями, развитием постколониальной этнологии, изменением границ социальных наук, с появлением легитимацией в социологии таких подходов как акционистское исследование и проч. По-моему назад дороги нет, хотя взаимная критика этих установок – «на объективизм» и «участие» – будет продолжаться.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Думаю, что для нашего социологического сообщества – это развитие гражданских инициатив, и формирование профессиональной социологии. Такой двуликий Янус.

Карин Клеман

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Как мне кажется, у современной российской социологии нет «публичного лица». О социологии, как правило, люди знают только то, что время от времени публикуются социологические опросы, и эксперты объясняют, что «сколь-то процентов россиян думают так», а «сколь-то процентов думают иначе». Даже если не разделять тезис П. Бурдье о том, что социологические опросы – скорее инструмент в руках правящих политиков, и скорее конструируют нечто, названное «общественное мнение», то можно, по крайней мере, выразить недовольство тем, что публичная роль социолога сводится к комментариям процентов. Впрочем, есть объективная причина того, что у социологии нет «публичного лица» – сейчас наблюдается отсутствие или крайняя ограниченность сферы публичных дебатов.

А на вопрос о том «для кого» и «для чего» существует социология, я бы ответила, что в данный момент складываются три категории социологов.

Первая – и самая многочисленная – это те, кто желают и могут обеспечить собственную карьеру. Грубо говоря, эти социологи работают так, чтобы собрать как можно больше административных ресурсов. Это реалии не только сообщества социологов, но вообще российского общества. Соответственно, это категория социологов занимается тем, что легитимирует политический курс, сложившуюся общественно-политическую модель. Причем они могут это делать вполне искренно. Просто, будучи членами данного общества, они освоили привычные схемы мышления и поведения в этом обществе.

Вторая категория работает для тех, кто платит. Она только отчасти пересекается с первой категорией, поскольку платежеспособными заказчиками исследований является не только государственные организации, но еще и коммерческие структуры, политические партии и иностранные фонды. Здесь возникает соблазн (опять-таки, осознано или нет) предугадать желаемые заказчиком результаты и удовлетворить заказ.

Наконец, есть третья категория, самая малочисленная, социологов, которая пытается сохранить минимум независимости, честно и профессионально занимается своим делом. Однако, именно потому, что эти социологи не играют по господствующим в институциональной системе страны правилам, они не получают доступа к крупным СМИ. Многие, кстати, к этому и не стремятся. Отсюда следующий вывод – либо голос социологов в редких публичных дискуссиях вообще не слышен, либо он сводится к экспертному мнению, «научно» придающему легитимность официальной точке зрения власти или заказчика. Исключений крайне мало – это в основном либо очень статусные со-